

МИЧУРИНСК. Квартирный вопрос все испортил

Спектакль Мичуринского драматического театра «ТРИСЕСТРЫ» по А.П. Чехову, показанный в Тамбове в рамках XII Театрального фестиваля им. Н.Х. Рыбакова, собрал полный зал. Сработало и то, что мичуринцев, давно желавших попасть в афишу фестиваля, взяли именно с этим спектаклем. И то, что мнения о постановке, как донесло «сарафанное радио», самые противоречивые. Одни возмущались: мол, это вовсе и не Чехов, а какие-то страсти-мордасти и пошлятина. Другие, из поклонников творчества режиссера Гульнары Галавинской, которая ставит в Мичуринске уже пятый спектакль, утверждали, что все ее работы, в том числе и «ТРИСЕСТРЫ», оригинальны, неординарны и глубоко философичны. Третьи отправляли к тексту Чехова: ведь у него так и написано. Были и

такие, которых заинтриговало странное написание в афише названия пьесы, явно сулившее что-то необычное в постановке.

Поэтому-то тамбовским театрам и захотелось составить свое мнение о новой работе Гульнары Галавинской. И действительно, на поверку оказалось, что режиссер не только сумела внимательно прочитать источник, но увидела и показала зрителю, как он архисовременен. Будто бы Чехов вчера написал своих «Трех сестер».

Оттого и начинается спектакль со сдерживания с гигантских фотографических рамок покрывал, поднимающих тучи пыли. Так, стряхивая пыль времен, режиссер, казалось бы, погружает нас в жизнь чеховских героев вековой давности. Но вслушиваясь в их разговоры, проникаясь их переживаниями, вдумчивый зритель

Маша — Н. Попова, Ирина — Э. Морева, Ольга — О. Чернышова



очень быстро забывает о той сотне лет, что разделяет его с персонажами. Ведь те жили, страдали и пытались решать проблемы сродни сегодняшним.

И ныне очень многие провинциальные парни и девушки, как чеховские Андрей, Ольга, Маша и Ирина Прозоровы рвутся в Москву с убеждением, что только там они смогут реализовать себя. И нужны-то, нужны только деньги. Здесь же, в заштатном губернском городе для молодых, по их мнению, нет достойной работы. А от той, что есть, стонет старшая сестра Ольга (**Ольга Чернышова**), и голова болит и вечная усталость. Для средней же сестры Маши (**Наталья Попова**) жизнь после замужества и вовсе остановилась. Недаром она то и дело проговаривает на разный лад строчку: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...» «Золотой цепью», с маньячным упорством напоминая о своей любви, «задушил» ее муж Федор Кульгин (**Сергей Дубровский**). И если Ольга хотя бы в воспоминаниях цепляется за прошлое, то для Маши нет ни прошлого, ни насто-

ящего, ни будущего. Она прозябает в безвременье.

Младшая Ирина (**Элеонора Морева**), которая в начале спектакля врывается на сцену как радостный шаловливый щенок, живет в вихре своих эмоций и ожиданий: «Зачем вспоминать! Уехать в Москву! Продать дом, покончить все...» Ирина в исполнении Моревой ошеломляюще органична. Она вся в мечтах о будущем, твердя, как мантру: надо работать, надо работать. Все слова ее кажутся правильными, искренними. И зритель увлекается Ириной так же, как и влюбленные в нее барон Тузенбах (**Андрей Зобов**) и штабс-капитан Соленый (**Эльдар Касумов**). Но когда доходит до дела, то все оказывается не так радужно. Работа на телеграфе невыносима, мужчины, который соответствовал бы ее представлениям о любимом, рядом с Ириной нет. Добрый барон, готовый в зубах подносить ей туфельки, — жалок. Свирепый Соленый со своей животной страстью — страшен. Ее принц там, в Москве.

Чебутыкин — Я. Волговской, Ольга — О. Чернышова



Только не суждено попасть в первопрестольную никому из сестер. Деньги, на которые они хотели обосноваться в Москве, из-под носа увела новоявленная невестка Наташа (**Евгения Воронова**). Актриса хотя и штрихами, но рисует яркий образ стервозной особы, умеющей весьма ловко устроить свою судьбу. Брат трех сестер Андрей Прозоров (**Павел Чистяков**) тоже из маниловских мечтателей: уехать в Москву, стать профессором, преподавать в университете. А в итоге окруженный мещанкой мелкий служащий и карточный игрок становится мужем-подкаблучником. Аморфное существо, каким Андрея играет Чистяков,

только и может, что рефлексировать по поводу неудавшейся судьбы. Да только некому его жалеть. Заложив родительский дом, оставив сестер без денег, которые он отдал жене, Андрей одиноко замирает черной тенью в фотографической рамке.

У «разбитого корыта» судьбы оказались и военный доктор Чебутькин (**Яков Волговской**). Несколько сцен, яркие монологи актера — трагедия человека, занимавшегося всю жизнь нелюбимым делом. Своя драма и у няньки Анфисы (**Валентина Кошмина**). В центре внимания зрителя она всего один эпизод, но ее печально застывшая фигура и безнадежно-

Ирина — Э. Морева, Солёный — Э. Касумов, Анфиса — В. Кошмина





Сцена из спектакля

просящий голос навсегда отпечатываются в сердце.

Сценография (художник **Евгения Шутина**) в спектакле весьма оригинальна. Фотографические рамки, деланием которых всю жизнь увлекается Андрей, выросли у художника до гигантских размеров. Становясь то частью интерьера, то увеличительным стеклом для персонажей, они весьма функциональны. Могут «вырезать» из сценического пространства, к примеру, веселое застолье и запечатлеть его «на память», как и селфи, что делают офицеры. Вот это поголовное увлечение фотографированием себя любимых — ниточка из прошлого в наше настоящее. Стильные, но эклектичны вписывающиеся в любое время наряды женщин, военные мундиры героев. И таких манков, что отсылают зрителя к дням сегодняшним, по ходу спектакля немало.

Не смогла режиссер удержаться, чтобы не использовать замечательные хореографические данные актеров Зобова и Касумова. Танец-дуэль Тузенбаха

и Соленого, которые смешали русскую народную пляску с брейк дансом, весьма эффектный концертный, но не выпадающий из канвы постановки номер. И вообще, как это всегда в пьесах у Чехова, «пять пудов любви» заполняют и этот спектакль. Кто-то жаждет любви, кто-то любит, но безответно. А любовь, как у Маши и Вершинина (**Иван Долгий**), хоть и взаимная, но не счастливая, завершающаяся неизбежным расставанием. Вершинин у актера получился весьма обаятельным, но не стоящим надежд Маши.

Рухнувшие надежды разъединяют и судьбы трех сестер, и их привязанность друг к другу. Если ранее они, возможно, и были «ТРИСЕСТРЫ» — единым духовным целым, то в финале, говоря свои прощальные слова не друг другу, а зрителям, по одиночке и с тревогой на душе они покидают зал. Тревожно замирает и театральна публика.

Маргарита МАТЮШИНА